

В. В. Канищев, Е. В. Баранова, Д. С. Жуков

КОНТЕНТ-АНАЛИЗ ДОКУМЕНТОВ О ПОГРОМАХ В ГОРОДАХ РОССИИ В 1917 – 1918 ГОДАХ

56

Представлены результаты квантитативного анализа городских погромов 1917 – 1918 гг. Объектами исследования стали города Российской империи (республики) в границах современной Российской Федерации. Исходные данные получены посредством контент-анализа опубликованных и архивных источников. Авторы рассмотрели более 600 событий. Результатами исследования являются показатели основных параметров бунтарского движения, таких как форма выступления, социальный состав и требования участников, реакция властей и др. Показано, что основная масса событий произошла в Поволжье (22,3%), Петрограде (17,3%), Москве (13,4%) и Центрально-Промышленном районе (12,2%). Наиболее активными группами бунтовщиков были толпы горожан вообще (участвовали в 51,6% событий) и солдаты (45,3% событий), а также индустриальные рабочие (10,6%). Распространенной формой погромов был самосуд и другие стихийно-насильственные действия против отдельных лиц (52,6%). Наиболее часто бунтовщиками выдвигались следующие требования: выдача хлеба (36%), анархистские требования (27,2%), недовольство отдельными персонами (22,6%), борьба с самодержавием (13,8%) и буржуазией (12,9%).

The article presents the results of the quantification analysis of urban riots (pogroms) of 1917 – 1918. The objects of the study are cities of the Russian Empire (Republic) located on the territory of modern Russia. The initial data was obtained through the content analysis of published and archival sources. The authors examined more than 600 events. The results of the study are the main quantitative parameters of the rebel movement: action forms, the composition of participants, requirements, etc. The largest number of events occurred in the Volga region (22%), Petrograd (17%), Moscow (13%) and the Central Industrial District (12%). The most active rebel groups were commoners (participated in 52% of the events), soldiers (45% of the events) and industrial workers (11%). The most widespread form of urban riots (pogroms) was lynching and other forms of spontaneous violence against individuals (53%). Rebels most often put forward the following demands: the distribution of bread (36%), anarchist demands (27%), dissatisfaction with individuals (23%), the struggle against tsarism (14%) and the bourgeoisie (13%).

Ключевые слова: Русская революция 1917 г., городские погромы, база данных, контент-анализ.

Keywords: Russian revolution, urban riots (pogroms), database, content analysis.

Введение

Современные исследования протестных движений связаны с использованием самых разнообразных методик. В частности, тамбовские историки в содружестве с калининградскими коллегами в течение последних двух лет заняты реализацией проекта «Создание геоинформационной системы “Погромные движения в городах России в 1917–1918 годах”». Главный замысел этого проекта состоит в представлении материалов темы визуально-картографическими, хроникально-описательными, количественно-аналитическими методами, в обработке их с помощью информационных технологий. Результаты реализации некоторых подходов уже были предъявлены научной общественности [7; 8; 11].

Цель данного исследования — извлечение из источников и системное описание показателей основных параметров бунтарского движения, таких как географическая локализация, время, формы, состав и требования участников бунтов, масштабы отдельных выступлений. Для достижения этой цели применяется контент-анализ текстов, в которых зафиксированы сведения о городских погромных выступлениях в России (в границах современной Российской Федерации) в 1917–1918 гг.

В исторической литературе изучение темы городских погромов эпохи революции 1917 г., фактически запрещенной в советское время (в отличие от темы крестьянских погромов помещичьих имений), началось в 1990 г. Наиболее глубоким исследованием погромного движения в городах как части «Красной смуты» остается монография В.П. Булдакова, вышедшая еще в 1997 г. [1]. В те же годы первую попытку осмыслить «бессмысленную и беспощадную» природу русского городского бунта 1917–1918 гг. предпринял один из авторов этих строк [6]. Опыт применения контент-анализа текстов о городских погромных выступлениях периода 1917–1918 гг. был апробирован в начале 2000-х гг. [5].

Столетняя годовщина революции 1917 г. вызвала определенный интерес к погромному движению в городах России того времени. В ходе подготовки к этой годовщине было издано немало новых публикаций источников и исследовательских работ, которые побуждают к переосмыслению ранее полученных результатов [2; 3; 15].

В литературе, относящейся к сфере политологии и политической истории, имеется ряд исследований, в которых контент-анализ продуктивно применен для изучения протестных движений. Требования и аргументация инсургентов, контраргументация властей, реакция общества на насильственные события — все эти дискурсы подвергаются структуризации, в результате которой выделяются основные ключевые (смысловые) единицы. Эти единицы фиксируются в массовых источниках и в дальнейшем подвергаются в исследованиях обработке количественными методами. Контент-анализ в политических изысканиях позволяет не только обнаружить позиции и представления основных акторов, но и вычислить соотношения различных мотивов, требований и целей в составе сложных и неоднородных социальных движений.

В частности, в работе Е.В. Михайловой и А.П. Скогорева [14] контент-анализ был использован, чтобы выявить «лексические единицы,

формирующие языковые образы» протестных акций 2016 г. в российских СМИ. Предметом исследования А. А. Фролова и С. В. Мироновой [17] является динамика протестных акций в России в 2014–2018 гг., к изучению которой авторы привлекли контент-анализ.

Одним из наиболее масштабных политологических исследований интернет-пространства с использованием контент-анализа и количественных методов стал многолетний проект по изучению политизации социальных сетей, реализованный группой под руководством С. Н. Федорченко [12; 13]. Географические рамки этой работы охватывают несколько десятков стран мира, для которых сетевая политическая активность является заметным феноменом. В ходе этой работы были обследованы тысячи сообществ в социальных сетях, с применением контент-анализа идентифицированы радикальные, умеренно-оппозиционные и провластные сообщества, а также прослежена динамика соотношения различных типов сообществ на трех хронологических срезах в течение 2015–2017 гг.

Современные аналитические интернет-сервисы позволяют структурировать огромные массивы текстовой информации в Сети и исследовать их количественные характеристики. Благодаря этому работа с Big Data становится эффективным инструментом исследования политики и политической истории [16]. Таким образом, контент-анализ дает возможность получить качественные и количественные данные, формирующие картину глобальных и национальных политических процессов.

Источники и инструментарий

Нами предпринят анализ электронной базы данных «Погромы в городах России в 1917–1918 годах», обновленной с учетом вновь опубликованных документов [9]. Проведены также апробация уточненных методик контент-анализа и осмысление первого опыта изучения погромных выступлений с позиций теории самоорганизованной критичности [10; 18; 19]. База данных (далее – БД) доступна на сайте Центра фрактального моделирования по адресу: <http://ineternum.ru/bd-gorodskie-pogromy/>.

При разработке новой версии БД пришлось учитывать то обстоятельство, что в бывших республиках СССР, являвшихся ранее составными частями Российской империи, в последние десятилетия почти не публиковались новые документы по периоду революции 1917 г. и практически прекратилось совместное обсуждение этого исторического феномена с российскими историками. Поэтому в новый вариант электронной БД мы включили факты о погромных выступлениях только в городах на территории современной Российской Федерации. В связи с этим сократилось число записей в БД.

Сокращение числа записей стало также следствием корректировки методики формирования БД, а именно определения единиц счета контент-анализа. В первой версии мы посчитали возможным учитывать одновременные массовые погромные выступления в больших городах

как отдельные множественные факты. Осмысление собранных для базы данных фактов с позиций теории самоорганизованной критичности показало неправомочность такого разделения однородных, зачастую самоорганизованных (а не стихийных) спорадических вспышек погромного движения [9]. Мы также решили более сдержанно относиться в целом к фиксации нечеткой информации о стихийных волнениях: учитывались только те события, в которых явно была видна социально-политическая протестная направленность. Полагаем, что при изучении не совсем четкой текстовой информации необходим именно контент-анализ, в отличие от ивент-анализа, основанного на изучении более-менее четкой полицейской статистики.

В итоге в основу вновь сформированной БД легло 614 хроникальных заметок, превращенных в отдельные записи базы данных. Эти заметки как тексты подверглись контент-анализу по тем же смысловым единицам (поля БД), что и в предыдущем исследовании [5]. Незначительно были скорректированы некоторые единицы счета (списки значений полей БД).

Текстовая информация о погромах, сохраненная и структурированная в электронной БД, была формализована в смысловые единицы и единицы счета, характеризующие погромные события, и подвергнута разного рода статистическим группировкам. Подобный подход позволил выявить основные количественные характеристики бунтарского движения. Эти сведения стали основанием для качественного анализа, детализации и, в некоторых случаях, корректировки существующих на данный момент представлений о погромном движении эпохи Русской революции 1917 г.

Результаты и обсуждение

Изменение методики отбора хроникальных записей об одновременных погромных акциях и нечетких их проявлениях прежде всего сказалось на информации о частоте сообщений о погромах в Петрограде. Столица по числу упоминаний погромов по сравнению с предыдущей версией БД перешла на 2-е место (табл. 1), показатель сократился на несколько десятков единиц (было 194 [5]). Это можно объяснить тем, что мы в большей мере стали рассматривать погромы не столько как отдельные стихийные вспышки, сколько как самоорганизованные насильственные действия, которые в столице проявились в наибольшей мере.

Таблица 1

**Частота и частотность упоминаний погромов
в отдельных регионах России в 1917–1918 гг.**

Регион	Количество событий	Доля от общего числа событий, %
Поволжье	137	22,3
Петроград	106	17,3
Москва	82	13,4
Центрально-Промышленный район	75	12,2

Окончание табл. 1

Регион	Количество событий	Доля от общего числа событий, %
Центрально-Черноземный район	58	9,4
Северный Кавказ и Крым	54	8,8
Северо-Запад	42	6,8
Урал	30	4,9
Сибирь	30	4,9

60

В не меньшей степени сократилась частота упоминаний о погромах в городах Центрально-Промышленного района. В этом регионе также обнаружен «розовый шум» — атрибут самоорганизованной критичности. Сокращение числа учтенных погромов произошло еще и по причине исключения из БД неопределенных стихийных волнений. Такое же сокращение затронуло и показатели городов Центрально-Черноземного региона.

Наиболее «бунтовским» в наших новых подсчетах оказалось Поволжье. Частота упоминаний погромов в текстах о городах этого региона даже при новой методике почти не сократилась. С одной стороны, применительно к этим городам не выявлена самоорганизованная критичность, с другой — здесь оказалось мало текстов с нечеткой информацией о погромных выступлениях.

Показатели частоты упоминаний погромов в других регионах, входящих ныне в состав Российской Федерации, почти не изменились.

Ясно, что при сокращении общего числа хроникальных записей о погромных выступлениях в городах России в 1917–1918 гг. частота упоминаний тех или иных смысловых единиц контент-анализа снизилась. Поэтому в данной статье мы в большей мере используем относительный показатель частотности, то есть долю упоминаний той или иной единицы счета от всей их совокупности (табл. 2) в отдельной смысловой единице.

Таблица 2

Частотность упоминаний форм погромов в городах России в 1917–1918 гг.

Форма	Доля от общего числа событий, %
Самосуды и другие стихийно-насильственные действия против отдельных лиц	52,6
Стихийные массовые обыски и разграбления частного имущества	14,0
Погромы частных торговых заведений, квартир	12,9
Стихийные продовольственные волнения вообще	12,1
Погромы государственных учреждений и органов самоуправления, стихийное сопротивление представителям власти	10,7
Стихийные волнения вообще	10,1
Пьяные погромы	8,3

Окончание табл. 2

Форма	Доля от общего числа событий, %
Погромы мест заключения, самочинное освобождение арестованных	5,4
Издательства и насилие над заводской администрацией	3,1
Погромы казарм и других военных объектов, расхищение имущества	3,1
Погромы железнодорожных станций, портов, избияния железнодорожных, портовых служащих	2,0
Погромы трамваев	0,3
Еврейские погромы	0,2
Погромы промышленных зданий, имущества, продукции	0,2

61

Примечание: здесь и в таблицах 3 и 4 сумма долей может превышать 100 %, поскольку одно и то же событие могло характеризоваться двумя и более атрибутами.

При анализе таблицы 2 в сопоставлении с ранее полученными результатами в первую очередь выяснилось практически абсолютное совпадение долей упоминаний самосудов и других стихийно-насильственных действий против отдельных лиц. Это была самая распространенная форма погромных движений. К ней примыкают погромы государственных учреждений и органов самоуправления, стихийное сопротивление представителям власти. В прежней версии контент-анализа мы рассматривали как отдельную единицу счета такую форму, как погромы продовольственных учреждений. Более внимательное исследование соответствующих событий показало, что такие учреждения как отдельные объекты погромных действий часто трудно выделить, так как протестующие одновременно громили не только продовольственные, но и другие государственные, городские и земские учреждения, во многих средних и малых городах находившиеся рядом или даже в одном здании.

В сумме частотность упоминаний самосудов над отдельными лицами (в огромном большинстве случаев государственными или муниципальными служащими) и погромов учреждений в новом варианте контент-анализа выросла. Эти формы были достаточно очевидным образом зафиксированы в источниках и, конечно, не попали в разряд исключенных из анализа неопределенных стихийных выступлений.

В новой версии почти не изменился удельный вес упоминаний следующих форм бунтарских событий: погромы частных торговых заведений и квартир, стихийные продовольственные волнения вообще, стихийные волнения вообще (сократилась только частота их упоминаний), погромы мест заключения и самочинное освобождение арестованных, а также погромы железнодорожных станций, портов, избияния железнодорожных и портовых служащих.

Сокращение частотности упоминаний произошло только относительно стихийных массовых обысков и разграбления частного имущества. Мы связываем это с тем, что часть прежних записей о таких стихийных проявлениях оказалась недостаточно четкой и не была включена в новую базу данных.

Сокращение числа нечетких текстов источников привело к некоторому росту частотности упоминаний пьяных погромов, которые отчетливо отразились в документах революционного времени.

Вновь выделенные для нынешней БД формы (погромы казарм и других военных объектов, расхищение военного имущества; погромы трамваев; еврейские погромы; погромы промышленных зданий, имущества, продукции) упоминались единично и составляли доли процента. Фактически они выполнили лишь скромную задачу «расцветивания» картины погромного движения.

Особенно отметим единственное среди тысяч изученных источников упоминание еврейского погрома в городах на территории современной России в 1917–1918 гг. Минимальность этого показателя объяснима тем, что такого рода погромы главным образом проходили в зоне «черты оседлости» для евреев Российской империи, которая сейчас находится за пределами современной России. Забегая вперед, отметим, что в новой базе данных зафиксировано 11 случаев антисемитских высказываний в ходе погромов, но почти во всех случаях дело не дошло для прямого насилия над евреями.

Анализ частотности упоминаний отдельных социально-профессиональных групп среди погромщиков (табл. 3) показал, что так же, как и в предыдущей версии, более всего встречались упоминания в документах «горожан вообще». Мы еще раз убедились в том, что революция 1917 г. была во многом движением толпы, из которой сложно вычленить конкретные группы населения.

Таблица 3

**Частотность упоминаний различных групп участников погромов
в городах России в 1917–1918 гг.**

Участники	Доля от общего числа событий, %
Горожане вообще	51,6
Солдаты, матросы	45,3
Промышленные рабочие	10,6
Крестьяне	3,9
Воры, «хулиганы», «темные личности» и т. п.	2,1
Служащие вообще	2,0
Заводские, частные и кооперативные служащие	1,3
Торговцы	1,0
Железнодорожники, портовые и другие транспортные рабочие и служащие	0,8
Чернорабочие, поденщики	0,8
Красноармейцы	0,7

Окончание табл. 3

Участники	Доля от общего числа событий, %
Духовенство	0,3
Извозчики	0,3
Милиционеры, пожарные	0,3
Учащиеся, студенты	0,3
Красногвардейцы	0,3
Зажиточные слои города, «кулаки»	0,2
Офицеры	0,2
Промышленные служащие	0,2
Ремесленники	0,2
Городская «беднота»	0,2

63

Тем не менее в нынешней БД и новых результатах контент-анализа доля упоминаний «горожан вообще» оказалась несколько ниже. Мы объясняем это отказом от некоторых нечетких данных, представленных в источниках о погромах и включавших в том числе неопределенные сведения о составе их участников.

На 2-м месте по частотности отражения в текстах документов вновь оказались солдаты и матросы. Это легко объясняется их повышенной протестной активностью в период революции и очевидной заметностью на фоне любых групп городского населения. Некоторое увеличение доли упоминаний военных погромщиков можно связать с сокращением учета неопределенных групп участников погромов. А вот уменьшение доли промышленных рабочих как участников погромных акций объяснимо их широким участием в самоорганизованных и особенно в организованных выступлениях, выпадавших из разряда стихийных погромов.

Не сократился в нашем анализе удельный вес упоминаний о крестьянах. Эта группа населения (как постоянно проживавшая в мелких и средних аграрных городах, так и по разным причинам периодически наведывавшаяся в города) была явно отличной от собственно горожан. Поэтому она не попала в разряд неопределенных участников погромов. Вместе с тем сложно говорить о самоорганизованности городских крестьян, уже редко живших общинами, и тем более крестьян, пришедших на короткое время в город из разных мест.

Особенно отметим сокращение частотности упоминаний таких групп участников погромов, как воры, «хулиганы», «темные личности» и т.п., а также служащие вообще. Это вполне объясняется неопределенностью их упоминания в источниках.

Остальные группы погромщиков, как и в прежнем исследовании, закономерным образом в силу своей немаргинальности не могли быть постоянными участниками погромов. Они упоминаются в единичных случаях, или десятых долях процента от генеральной совокупности фактов.

Редчайшие упоминания представителей бывших «господствующих классов» (торговцев, духовенства, зажиточных слоев города, «кулаков», офицеров) свидетельствуют о практически полном отсутствии у них готовности к открытому стихийному или самоорганизованному протесту против советской власти. В этой связи более понятными становятся и неудачи организованных антисоветских мятежей, имевших место весной — летом 1918 г. в ряде городов Советской России.

Возможности сравнения частотности упоминаний требований (направленности погромов, в широком смысле) в прошлом и в настоящем исследования ограничены тем, что в обновленной базе данных мы несколько детализировали набор этих требований (табл. 4). Однако в любом случае на первом месте по удельному весу остались упоминания о требованиях «Хлеба!». Хотя их процент несколько сократился в связи с объединением записей об одновременных самоорганизованных выступлениях с такими требованиями в разных частях городов, эти требования оставались главными средствами борьбы широких слоев горожан за выживание в суровых военно-революционных условиях.

Таблица 4

**Частотность упоминаний направленности погромов
(лозунгов, заявлений, требований) в городах России в 1917–1918 гг.**

Лозунги, заявления, требования	Доля от общего числа событий, %
Требования выдачи хлеба, других важных продуктов и товаров	36,0
Чисто анархистские требования	27,2
Недовольство, требования удаления, смены отдельных должностных лиц	22,6
Требования ликвидации самодержавия и остатков монархизма	13,8
Выступления против Временного правительства, его органов, «буржуазии», «контрреволюционеров»	12,9
Антисоветские требования, настроения вообще	7,7
Осуждение репрессий со стороны органов власти и должностных лиц	5,7
Антivoенные требования	4,7
Требования повышения и своевременной выдачи пайка, зарплаты, пособий и других выплат	2,6
Осуждение и сопротивление обыскам, реквизициям, конфискации, национализации собственности и т. п.	2,1
Антисемитские требования	1,8
Требования снижения цен на товары и услуги	1,8
Требования свободной торговли, отмены монопольных цен, продовольственной диктатуры	1,5
Требования контроля над производством и распределением, борьбы со спекуляцией и т. п.	1,3
Антибольшевистские заявления, настроения вообще	1,1
Осуждение антицерковной политики советской власти	0,8
Поддержка большевиков	0,7

Окончание табл. 4

Лозунги, заявления, требования	Доля от общего числа событий, %
Антиполицейские требования	0,7
Захват денег, драгоценностей	0,7
Требования отмены отсрочек от призыва в армию	0,5
Антицерковные требования, настроения	0,5
Требования демократических свобод	0,3
Националистические требования вообще	0,3
Осуждение «Займа Свободы»	0,2
Осуждение локаутов, остановки заводов, увольнений со службы	0,2
Экономические требования вообще	0,2
Осуждение национализма, поддержка самоопределения народов России	0,2
Осуждение чрезвычайных налогов	0,2
Осуждение «соглашательской» политики эсеров и меньшевиков	0,2
Отсутствие четких требований	0,2

65

Бывшая второй по частотности направленность погромов – против репрессий со стороны органов власти и должностных лиц – опустилась, казалось бы, на 7-е место. Но этот не совсем четкий показатель может быть дополнен близкими к нему требованиями и заявлениями: осуждение и сопротивление обыскам, реквизициям, контрибуциям, национализации собственности и т.п.; осуждение антицерковной политики советской власти. И все же относительное число упоминаний репрессий органов власти и должностных лиц даже с дополнениями близкими лозунгами оказалось меньше, чем в старых расчетах, что обусловлено, очевидно, отказом от фиксации не совсем четких сообщений источников.

Заметно большей, чем в итогах предыдущего контент-анализа, оказалась частотность чисто анархистских требований. Мы связываем это с самоорганизованностью многих погромных выступлений, участники которых протестовали против давления любого государства, но не формулировали свой протест в виде определенных требований.

Объяснимо увеличение доли требований удаления, смены отдельных должностных лиц. Такие требования были достаточно четкими и во многом отражали самоорганизованность погромщиков в противоборстве с властями.

Возрос удельный вес требований, связанных с борьбой против самодержавия, его местных органов, остатков монархизма. Это показатель, проявившийся в ходе событий Февральской революции, стал более отчетливым в связи с нашим отказом учитывать не совсем явные погромные выступления. К тому же в новых хроникальных записях мы часто не выделяли из комплекса антимонархических требований далеко не всегда очевидное недовольство полицейскими.

Примерно на том же уровне осталась частотность выступлений против Временного правительства, его органов, «буржуазии» и «контрреволюционеров» (в 1917 г. воспринимавшихся как сторонники Временного правительства), выступлений с требованиями повышения и своевременной выдачи пайка, зарплаты, пособий и других выплат, снижения цен на товары и услуги, а также выступлений с антисоветскими требованиями и антисемитскими настроениями.

Тем не менее необходимо учитывать, что между самими этими требованиями была существенная разница. Особенно нужно отметить, что погромных выступлений против Временного правительства и его союзников было значительно больше, чем антисоветских погромов (и в абсолютном, и в процентном отношении). Это лишний раз подтверждает почвенническую природу погромов как движения «низов», для которых советская власть при всей ее суровости была ближе.

Все остальные упоминания разнообразных требований погромщиков составляли доли процента.

В результатах нового контент-анализа существенно не изменились показатели частоты упоминаний погромных выступлений по месяцам (табл. 5). Наибольшая интенсивность событий наблюдалась в феврале — марте и в октябре 1917 г., что послужило очередным подтверждением сильной погромной составляющей Февральской и, в еще большей мере, Октябрьской революций.

Таблица 5

Частота упоминаний погромов в городах России по месяцам 1917–1918 гг.

Год	Месяц												Итого
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	
1917	—	32	59	24	35	34	54	56	82	103	14	8	501
1918	14	8	10	19	29	21	7	4	1	—	—	—	113

Частотность упоминаний продолжительности отдельных погромов в городах России также почти не изменилась (табл. 6). Отметим пусть и небольшое, но все же увеличение доли сообщений о коротких погромных «вспышках» в несколько часов. Преобладание именно таких коротких, не успевших самоорганизоваться погромов говорит о том, что нельзя преуменьшать стихийный характер погромного движения в городах России в эпоху революции 1917 г.

Таблица 6

Частотность упоминаний продолжительности погромов в городах России в 1917–1918 гг.

Продолжительность	Доля от общего числа событий, %
Несколько часов	90,9
Несколько дней	8,3
Несколько недель	0,8

Думаем, что о том же свидетельствуют результаты контент-анализа частотности упоминаний примерной численности участников отдельных погромов (табл. 7).

Таблица 7

**Частотность упоминаний численности участников погромов
в городах России в 1917–1918 гг.**

Массовость	Доля от общего числа событий, %
Единицы участников	0,2
Десятки участников	15,0
Сотни участников	68,2
Тысячи участников	16,6

67

Крайне редкое упоминание единичных погромщиков (табл. 7) говорит о почти полной невозможности такого масштаба погромных выступлений, по определению являвшихся действиями «скопом». С другой стороны, сравнительно малую долю упоминаний погромов с тысячами участников можно рассматривать как свидетельство того, что стихийные и даже самоорганизованные акции не могли собрать очень большое число бунтующих. Их «удел» — десятки и сотни участников.

Заключение

В целом следует отметить, что новая версия контент-анализа документов о городских погромах эпохи Русской революции 1917–1918 гг. подтвердила их сущность как борьбы традиционных слоев российского общества за «хлеб» и «волю» примитивными расправными и захватными способами. Новый исследовательский инструментарий высветил определенную роль самоорганизованности отдельных слоев городского населения в революционных событиях 1917–1918 гг., в том числе в погромных выступлениях. Очередная попытка контент-анализа не всегда четкой информации источников революционного времени подтвердила необходимость аккуратного применения к ним количественных методов. В содержательном плане выяснилось, что отказ от учета городов бывшей Российской империи, ныне находящихся за пределами России, не изменил принципиально параметры погромных выступлений, вычисленные в прежней версии контент-анализа. Это лишний раз говорит о единой природе погромного движения на территории империи, и особенно России и Украины.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-09-00365а «Создание геоинформационной системы “Погромные движения в городах России в 1917–1918 годах”».

Список литературы

1. Булдаков В. П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 8–9.

2. Булдаков В. П. 1917 год: революция и погром // Политическая концептология. 2015. №3. С. 108–150.
3. Дьячков В. Л. Методологические и методические предложения к концептуализации городских мятежей 1917–1918 гг. в России // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2019. Т. 24, №180. С. 149–165.
4. Жуков Д. С., Канищев В. В., Лямин С. К. Исследование интенсивности крестьянских волнений в Европейской России во второй половине XIX в. средствами теории самоорганизованной критичности // Историческая информатика. 2017. №1. С. 38–51.
5. Канищев В. В. Можно ли измерить параметры «русского бунта»? // Круг идей: Историческая информатика в информационном обществе : тр. VII конф. Ассоциации «История и компьютер». М., 2001. С. 134–159.
6. Канищев В. В. Русский бунт – бессмысленный и беспощадный (Погромное движение в городах России в 1917–1918 гг.). Тамбов, 1995.
7. Канищев В. В., Баранова Е. В. Особенности формирования компьютерной базы данных как структурного элемента геоинформационной системы по истории погромного движения // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2019. Вып. 1. С. 69–77.
8. Канищев В. В., Баранова Е. В. Погромные выступления в городах России в 1917–1918 гг. Современные методы изучения // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: власть и общество по обе стороны фронта : матер. междунар. конф. (Москва, 1–3 октября 2018 г.). М., 2018. С. 232–238.
9. Канищев В. В., Жуков Д. С. Источниковедческий анализ документов по истории погромного движения в городах России в 1917–1918 гг. // Pro nunc. Современные политические процессы. 2018. №2. С. 54–67.
10. Канищев В. В., Жуков Д. С. Количественные и качественные характеристики погромно-бунтарских выступлений в городах России в 1917–1918 гг. // Революция и бунт в российской истории : матер. Всерос. науч. конф. (Москва, 20–21 марта 2017 г.). М., 2017. С. 167–176.
11. Канищев В. В., Жуков Д. С. Факторный анализ в изучении погромного движения в городах России в 1917–1918 годах // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». Вып. 47 : матер. XVI междунар. конф. Ассоциации «История и компьютер» (26–28 октября 2018 г., Москва). М., 2018. С. 30–31.
12. Лымарь Е. М., Федорченко С. Н., Белостин А. А., Федорченко Л. В. Финальный аккорд: III волна исследования политизации социальных сетей Интернета // Журнал политических исследований. 2018. №3. С. 84–110. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/23664/view> (дата обращения: 19.09.2019).
13. Лымарь Е. М., Федорченко С. Н., Рябинкин Г. Ю. Политизация социальных сетей: сравнение двух волн проекта // Журнал политических исследований. 2017. №4. С. 50–77. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/19596/view> (дата обращения: 09.10.2019).
14. Михайлова Е. В., Скогорев А. П. Протесты как форма гражданской активности в современной России // Власть. 2017. Т. 25, №1. С. 54–59.
15. Революция и бунт в российской истории : матер. Всерос. науч. конф. (Москва, 20–21 марта 2017 г.) / сост. Г. В. Талина. М., 2017.
16. Федорченко С. Н. Хэштеги в формировании политической повестки и методологический потенциал Big Data // Журнал политических исследований. 2019. №1. С. 14–26. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/28085/view> (дата обращения: 09.10.2019).
17. Фролов А. А., Миронова С. В. Протестные кампании в современной России: региональный аспект на примере Ярославской области // PolitBook. 2019. №1. С. 6–21.

18. Zhukov D. S., Kanishchev V. V., Lyamin S. K. Application of the theory of self-organized criticality to the investigation of historical processes // Sage Open. 2016. Vol. 6, iss. 4. doi: 10.1177/2158244016683216.

19. Zhukov D. S., Kanishchev V. V., Lyamin S. K. Social Movements Viewed in the Context of Self-Organized Criticality Theory // Acesso Livre. 2017. Iss. 8. P. 75–91. URL: https://revistaacessolivre.files.wordpress.com/2017/12/acesso-livre-n-8_jul-dez_2017_a.pdf (дата обращения: 18.10.2018).

Об авторах

Валерий Владимирович Канищев — д-р ист. наук, проф., Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, Россия.

E-mail: valcan@mail.ru

Елена Вячеславовна Баранова — канд. ист. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: EBaranova@kantiana.ru

Дмитрий Сергеевич Жуков — канд. ист. наук, доц., Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, Россия.

E-mail: v_ineternatum@mail.ru

The authors

Prof. Valery V. Kanishchev, Derzhavin Tambov State University, Russia.

E-mail: valcan@mail.ru

Dr Elena V. Baranova, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: EBaranova@kantiana.ru

Dr Dmitry S. Zhukov, Associate Professor, Derzhavin Tambov State University Russia.

E-mail: v_ineternatum@mail.ru